

ЛИ ХИЁН

ТОН

ИЗДАТЕЛЬСТВО АСТ
МОСКВА

УДК 821.531-31
ББК 84(5Кор)-44
Л55

이희영
Lee Hee-young
페인트
PAINT

Издание осуществлено при финансовой поддержке
Корейского института литературного перевода

한국문학번역원

Ли Хиён.

Л55 Тон : роман / Ли Хиён ; перевод с корейского Е. А. Понкратовой. — Москва : Издательство АСТ, 2026. — 224 с. — (Хиты корейской волны).

ISBN 978-5-17-176284-1

Что такое — быть ребенком? А родителем? Джэну — зрелый и вдумчивый семнадцатилетний подросток. Он и еще множество детей выросли в специальном центре, где каждый ребенок имеет право выбрать самостоятельно потенциальных родителей при помощи ТОНа или «Тестирования Опекунов на Надежность». Джэну проводит разные собеседования и ищет своих родителей, но поиски даются тяжело. Ему предстоит решить, кому из претендентов он сможет довериться. Ведь время стремительно ускользает — юноше осталось два года до выпуска из центра.

Что значит ощущать себя частью семьи? Как стать родителями, рядом с которыми ребенок будет всегда чувствовать тепло и заботу? И можно ли разглядеть в череде событий, что жизнь готовит каждому из нас? Ведь все может в любой момент заиграть разными красками...

УДК 821.531-31
ББК 84(5Кор)-44

ISBN 978-5-17-176284-1

페인트

Paint

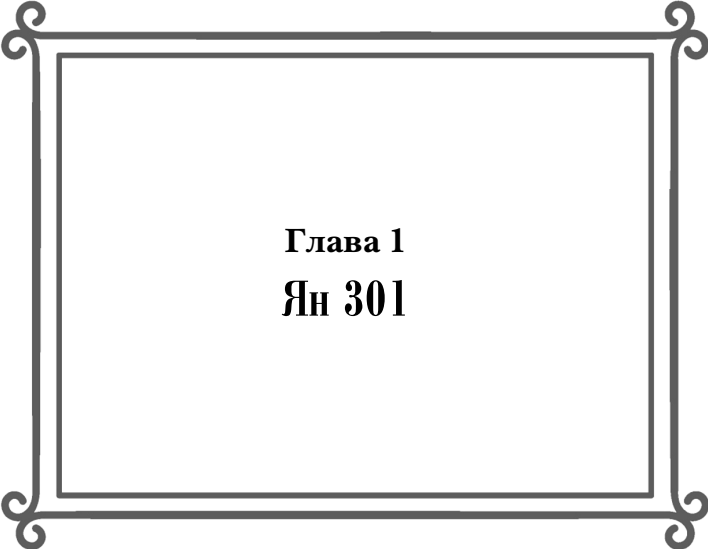
Copyright © 2019 by Lee Hee-young
All Rights Reserved.

Russian edition is published by arrangement
with Changbi Publishers, Inc.
through Imprima Korea Agency.

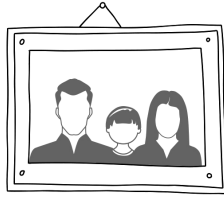
© Е.А. Понкратова, перевод на русский
язык, 2026

© JoN-T, иллюстрация на обложке, 2026

© ООО «Издательство АСТ», 2026

Глава 1
Ян 301

Пара оказалась не похожа на свои голограммы. Женщина была более смуглой, у мужчины вокруг глаз залегало много морщин. Она ярко улыбнулась, а ее спутник лишь слегка изогнул губы в улыбке. Пит похлопал меня по плечу, и я поприветствовал пару напротив:

— Здравствуйте.

— Выглядишь точно как твоя голограмма! Даже еще симпатичнее!

Женщина подошла ко мне так, словно боялась спугнуть, и я сделал шаг назад. Пит сжал мое плечо, показывая, что все в порядке. Гостя вдруг нахмурилась, будто пытаясь что-то вспомнить — скорее всего, мое имя.

— Меня зовут Ян 301.

Может, не стоило называть номер? Но так было точнее... В стране множество ребят с таким же именем, а вот номер 301 принадлежал лишь мне одному.

— Получается, ты попал сюда в янва... — Женщина пихнула мужчину в бок, и он тут же замолчал.

Сдержать смех не получилось. Пит прочистил горло — знак того, что стоит вести себя сдержаннее. Но это ведь они допустили ошибку, так почему мне нужно следить за своим поведением? Сжав губы, я бросил взгляд на Пита.

— Давайте присядем и обо всем поговорим, — указал он на стол в центре комнаты.

Пара заняла места. Мы с Питом сели напротив.

— Что будете пить?

Гостья перевела взгляд на мое лицо и спросила:

— Что ты будешь? Что тебе нравится?

Я повернул голову к Питу и произнес:

— Мне кофе.

Улыбка пропала с лица женщины. Видимо, из-за того, что ее проигнорировали. Мужчина, попытавшись разрядить обстановку, громко засмеялся. Сразу было видно, что он пытается из кожи вон лезть, чтобы произвести хорошее впечатление.

— Тогда мы будем то же, что и мальчик.

Пит кивнул и нажал на кнопку на столе.

— Кофе. — Холодный металлический голос заполнил переговорную, и вскоре в комнате появился помощник с тележкой, на которой стояло четыре чашки.

— Впервые вижу такого большого робота-помощника! — изумилась женщина.

— Здесь много детей, поэтому обычный кухонный помощник не справится. Эта модель была разработана специально для наших центров ДН.

Пара одобрительно закивала. А я вспомнил рекламу робота-помощника, которую как-то видел. Несмотря на свои скромные размеры, он обладал богатым функционалом, включая возможность менять цвет и дизайн.

Какое-то время помощники создавались очень похожими на людей. Правда, из-за этого хозяева таких роботов часто испытывали необъяснимый дискомфорт, точнее сказать — отвращение перед чем-то, что не являлось человеком, но выглядело как он. После этого роботов упростили — теперь они лишь на две трети выглядели как люди, но все равно мало напоминали машины.

Тишину в крохотной переговорной нарушил громкий стук — гостя поставила чашку на стол и посмотрела на Пита.

— Мы очень долго мечтали об этом. Давно хотели прийти к вам, но не хватало смелости. Вы как никто понимаете, как сложно стать родителем. Я долго сомневалась: выйдет ли из меня хорошая мама? После долгих совместных раздумий мы решили — захотели подарить несчастному ребенку семью, заботу и тепло. И пришли сюда именно за этим.

Если бы я не бросил на них взгляд во время того, как пил, то не заметил бы, как гостья ткнула мужа локтем в бок. Тот широко улыбнулся:

— В молодости я как-то не задумывался... Но с годами стал понимать, что в доме, где живут лишь двое, слишком тихо. Мне вдруг захотелось путешествовать с сыном и ездить вместе на рыбалку, как это делают другие...

Мужчина рассматривал меня так внимательно, будто перед ним был товар.

— Когда я впервые увидела твою голограмму, сердце сжалось в груди! Я сразу поняла, что это ты. В голове не укладывалось, как такой идеальный красивый мальчик до сих пор не нашел семью. Мне стало так жаль тебя... — Женщина принялась утирать слезы.

Я крепко сжал губы, иначе бы точно зевнул. Пит украдкой бросил на меня взгляд, и его лицо тут же стало холодным, словно зимнее утро. Я был рад, что он понял мои мысли, но все равно почувствовал себя виноватым.

— Может, мы немного прогуляемся? На улице такая хорошая погода. Узнаем друг друга...

— Не получится. Сегодня запланирована только короткая беседа, — перебил гостью Пит.

В такие моменты я был благодарен Питу за принципиальность. Гостья натянуто улыбнулась, но в ее взгляде отчетливо прослеживалось разоча-

рование. Пит встал, и паре ничего не оставалось, кроме как последовать его примеру.

Призвав на помощь всю свою вежливость, я слегка поклонился сегодняшним претендентам, пришедшим в центр ДН:

– Всего доброго.

– Мне так хочется обнять тебя на прощание!

– Физический контакт пока запрещен. –

Принципиальность Пита снова явила себя миру.

– Ох, я уже чувствую, как меня одолевает тоска по тебе. Но мы еще обязательно увидимся, да?

Я ничего не ответил и лишь натянуто улыбнулся. Больше мы с ними не увидимся. Как только пара скрылась за дверьми, в комнате появился робот-помощник и убрал чашки со стола. Я тоже мечтал поскорее убраться из этой чертовой переговорной.

– Спасибо вам за сегодня.

Я уже шел к выходу, как меня нагнал вопрос Пита:

– Ян 301, сколько тебе исполняется в этом году?

Он прекрасно знал ответ. Конечно, Пак, точнее Пит, не мог меня так просто отпустить.

Тех, кто работал в центре и отвечал за детей, называли воспитателями, но мы привыкли сокращать это слово до просто «Пит». Часто мы называли их по фамилиям – точно так же, как они нас по номерам. У нас ведь фамилий не было... Но во вре-

мя собеседований с потенциальными родителями воспитатели будто держали с нами дистанцию, да и обстановка была довольно официальной, поэтому я никогда не звал их по фамилиям, а просто Пит. Чаще всего это случалось именно с Паком.

Я повернулся к нему.

— Семнадцать.

Ответ должен был прозвучать. Так здесь заведено.

— Тебе осталось всего...

— Три года. Если быть точным, то два года и четыре месяца.

Пит устало провел рукой по лицу.

— Ты же понимаешь, что это значит?

— В моем удостоверении личности навсегда останется адрес центра.

— Говоришь так, будто тебе все равно!

Мне не было все равно. Жить с клеймом центра тяжело. Я слышал, каким притеснениям подвергаются воспитанники, которые покидают эти стены и отправляются во взрослую жизнь. Именно поэтому дети здесь пытались как можно скорее найти себе родителей и сбежать. Конечно, были те, кто обретал любящую семью, но чаще всего родители и дети становились партнерами, которые извлекали выгоду из ситуации и просто играли свои роли.

Я посмотрел Питу в глаза, в них не угадывалось ни одной эмоции.

— У этой пары много долгов? — спросил я.

Он тяжело вздохнул:

— Тебе Чхве сказала?

Это было просто предположение. Теперь я мог с первого взгляда определить, чем живет человек: есть ли у него работа, имеются ли финансовые трудности или он ищет сиделку для себя на будущее.

— Нет, — отрезал я.

Пит бросил на меня обеспокоенный взгляд. Этого было достаточно, чтобы все понять. Разговор с Чхве был не нужен. Я смог почувствовать все, лишь взглянув на этих людей. В их глазах так и читалось: «Мы отчаянно нуждаемся в финансовой поддержке государства».

Пит мгновенно оказался рядом и сжал мое плечо:

— Ян 301...

Я ничего не ответил. В этом не было смысла.

— Жить с адресом центра в документах куда тяжелее, чем ты думаешь.

— Жить с ужасными родителями ничуть не легче.

Пит моргнул, его длинные и пушистые ресницы задрожали.

— Спасибо вам за сегодня, — повторил я и направился к дверям.

— Ты держался молодцом.

Слова Пита прилетели мне уже в спину. Но я ничего не ответил и вышел из переговорной.

Перед центром располагалась широкая спортивная площадка. На другой стороне виднелись школа, жилой корпус и купол здания, где находился актовый зал. А дальше, куда ни глянь, простирался густой лес, но никто не верил, что он настоящий. Всего лишь голограмма, служившая своего рода оградой... Я перевел взгляд на синее небо. «Интересно, а оно настоящее?» — возникла в голове тоскливая мысль.

Центры ДН были разбросаны по всей стране. Среди них выделяли три категории — к первой относили центры, где заботились о младенцах и дошкольниках, ко второй — места, где жили ученики начальных классов до двенадцати лет. В третьем, конечном центре размещались подростки от тринадцати до девятнадцати лет, которые могли участвовать в тестированиях, чтобы найти родителей. В конечный центр я попал после пребывания в первом и втором. «Конечным» он назывался не просто так, определение подчеркивало, что это — заключительное пристанище перед выходом во взрослый мир.

Я побрел по спортплощадке, направляясь к жилому корпусу. Стоило сделать пару шагов, как смарт-часы загорелись уведомлением. Дотронувшись до экрана, я тут же увидел голограмму. Это было сообщение. После отмены воспроизведе-

ния видео голограмма исчезла, но в ушах раздался голос:

— Почему не используешь траволатор?

— А вдруг меня заснимет пролетающий мимо дрон?

Дроны в виде различных насекомых — бабочек, божьих коровок, пчел и стрекоз — иногда залетали на территорию центра. Людей во внешнем мире очень интересовало наше существование. Некоторые высказывали опасения, что все, кто находится здесь, скрывают свою личность. Нашлись и те, кто считал, что центр — это тюрьма с самыми настоящими преступниками. Учитывая, что покинуть территорию центра мы могли только по достижении совершеннолетия, это место вполне можно было назвать тюрьмой.

Большинство ребят передвигалось от здания к зданию с помощью траволаторов. Это было намного удобнее и быстрее, чем идти через всю спортплощадку, но иногда мне хотелось пройтись. Как, например, сейчас. Обычно после тестирования потенциальных родителей я всегда в одиночестве медленно прогуливался до жилого корпуса.

— Ян 301.

— Слушаю вас.

— Сколько ты поставил им баллов?

— Пятнадцать.

Хотя сцена со слезами была отыграна довольно правдоподобно...

— Довольно щедро.

В ушах раздался низкий смех Пита. Точнее, Пака. Я снова открыл видео на часах и позволил ему развернуться голограммой. В воздухе напротив меня появился Пак, прислонившийся к стене. Я спокойно взглянул в его темно-карие глаза.

— Зачем вы настояли на ТОНе, если прекрасно знаете, что я не люблю таких людей?

— Это зависело не от меня.

Он указал пальцем в небо, и я понял, что он имел в виду. Да, он был директором центра, но в то же время обычным госслужащим, который обязан выполнять распоряжения сверху.

Я удалил видео, и связь прервалась с характерным треском. Конечно, чувства Пака были понятны. Как глава центра, он больше других заботился о детях, которые жили здесь. Да, Пак был неразговорчивым, грубоватым, но никто не делал для подопечных центра столько, сколько он. Конечно, другие воспитатели тоже думали о нас: старались, чтобы хоть кто-то встретил действительно хороших родителей, делали все, чтобы стереть след центра из нашей жизни... Они надеялись, что нас не будут притеснять в обществе, не будут оценивать холодными взглядами, полными предубеждения. Их старания были достойны восхищения, но оставалось только догадываться, как сложно им было. Я тяжело вздохнул.

Тон

У дверей жилого корпуса входное устройство просканировало мое лицо и радужку глаз. Зажглась кнопка распознавания голоса.

— Ян 301.

Дверь с писком открылась. Пройдя внутрь, я машинально произнес команду, заставляющую включиться охранную систему:

— Активировать охранную функцию!

Дверь закрылась, и ее середина, сделанная из стального сплава, стала прозрачной. Снаружи нельзя было увидеть то, что происходило внутри, но из здания все просматривалось идеально. Правда, лишь на короткое время, пока работала охранная функция. Такие двери были разработаны с использованием абсолютно новых материалов. Они стояли не только в наших центрах, но и во многих домах. Я осмотрел пейзаж. Все как и всегда. Никаких изменений. Прозрачная часть снова стала металлической.

Я прошел по длинному коридору к своей комнате. Стоило только зайти, как навстречу мне бросился Окт:

— Как прошел ТОН?

Не обращая внимания на восторженного соседа, я лег на кровать.

— Опустить шторы, включить ночное освещение.